

Марк Соколянский

Диалог историка и критика

Среди книг

Опубликовано в журнале *Иностранная литература*, номер 3, 2001

ДИАЛОГ ИСТОРИКА И КРИТИКА

Golo Mann, Marcel Reich-Ranicki. Enthusiasten der Literatur. Ein Briefwechsel. Aufsätze und Portraits. Hrsg. von Volker Hage. — Frankfurt am Main, S. Fischer Verlag, 2000

У этой несколько необычной книги два совершенно равноправных автора, не нуждающихся в подробном представлении. Голо (Ангелус Готфрид Томас) Манн (1909–1994) — средний из сыновей Томаса Манна, видный историк и публицист. И отметивший на исходе века свое восьмидесятилетие Марсель Райх-Раницкий — один из самых авторитетных в немецкоязычном литературном мире критиков, почетный доктор нескольких европейских университетов, а к тому же и популярный писатель-мемуарист: его книга «Моя жизнь», изданная в 1999 г., более полугода возглавляла в ФРГ список бестселлеров по своей жанровой категории.

Литературный успех пришел к обоим авторам довольно поздно. Первая значительная книга Голо Манна — «Немецкая история XIX–XX веков» — вышла в 1958 г. Родившийся в Польше и закончивший гимназию в Берлине, Райх-Раницкий прошел через Варшавское гетто, после войны был недолгое время польским дипломатом, в ПНР сделал первые шаги на литературном поприще, а с 1958 г. живет и трудится в ФРГ. В 1967 г. он впервые написал Голо Манну, предложив ему участвовать в книге, посвященной Г. Бёллю. В 1970 г. состоялось их личное знакомство, но регулярная переписка началась лишь четыре года спустя. Возглавив в 1973 г. литературный отдел солидной газеты «Франкфуртер альгемайне цайтунг», Райх-Раницкий пригласил Голо Манна к сотрудничеству. Историк откликнулся, его выступления на страницах газеты получили продолжение; завязалась переписка редактора и маститого автора, длившаяся шестнадцать лет.

Переписку известных людей считают прежде всего источником сведений о самих корреспондентах. В письмах, составляющих почти половину рецензируемого тома, обстоятельства личных судеб авторов занимают маргинальное место, превалирует же предмет их профессиональных интересов. Помещенные во второй части книги эссе и рецензии Голо Манна и три фрагмента из книг Райх-Раницкого воспринимаются как неназойливый комментарий к переписке. Впрочем, если две части книги поменять местами, то письма могли бы читаться как примечания к эссеистике.

Можно выделить две главные темы эпистолярного диалога: семья Маннов и художественная литература — классическая и современная. Нередко эти темы переплетаются между собой. Конечно, центральная фигура в семейном интерьере — олимпиец Томас Манн. Работая над книгой «Томас Манн и его близкие», Райх-Раницкий часто апеллирует к Голо Манну как к авторитету и источнику. Последний не уходит от ответов на острые вопросы, откликается на приглашение газеты писать о творчестве отца. Критик называет Голо Манна «нелюбимым сыном», но из мемуарных

заметок последнего становится ясно, что определение «любимый» неприложимо ни к старшему сыну великого прозаика Клаусу, автору известного романа «Мефистофель» и других книг, ни к младшему сыну Михаэлю. Писатель не был по-настоящему близок со своими сыновьями, о чем Голо Манн пишет вполне откровенно. Однако это обстоятельство не мешает ему ценить отца как большого художника. Прочитав в одном из очерков Райх-Раницкого о Томасе Манне, что тот был «тщеславен, как оперный тенор», Голо Манн категорически возражает, считая такое сравнение абсолютно неверным. Не идеализируя отца как личность, он не приемлет иной крайности: в статье критика ему не хватает одного — симпатии к герою очерка. Откликаясь на опрос газеты к столетию Томаса Манна, его сын Голо постулирует свою позицию как ученый: «Я постараюсь ответить так, как будто бы я этого автора никогда не знал лично». В его краткой статье нет комплиментарной патоки, но есть понимание значительности свершений Мастера, заявленное уже в названии заметки: «Божественная комедия». В наследии отца он выделяет четыре главные книги: «Будденброки», «Волшебная гора», «Иосиф и его братья» и «Доктор Фаустус». Вполне привычный выбор, хотя не скрывает Голо Манн и своих субъективных пристрастий: лично ему ближе всего «Иосиф и его братья» как произведение «самое крупное, самое ценное, самое удивительное».

Когда Райх-Раницкий послал Голо Манну свою статью о Клаусе Манне, последовал тактичный ответ с выражением принципиального несогласия. Как будто бы каждое отдельное суждение представляется брату К. Манна верным, но в целом он статьи не принимает. Не хватает ему все той же симпатии, без которой невозможно понять расхождения отца со старшим сыном и личную трагедию автора «Мефистофеля», приведшую к самоубийству. Такой подход вряд ли объясним лишь братской любовью. В мозаичных воспоминаниях о брате Голо Манн не притрушевывает их разногласий с Клаусом. В частности, не боится показать наивность и недостаточную образованность своего более левого брата, который «из Маркса знал «Манифест» и больше ничего». Лишенный, на взгляд Голо, иронии, Клаус не был способен к критической самооценке. Не сразу понял он и необходимость вступления Америки в войну. Но убежденным антифашистом был всегда, и эти убеждения привели его к решению вступить в американскую армию. Такой поступок вызывает у Голо Манна уважение, как вызвал он одобрение даже у Томаса Манна, не прочитавшего, по-видимому, ни одной книги старшего сына.

Интересно, что первой книгой, о которой Райх-Раницкий пригласил Голо Манна высказаться, было переиздание автобиографической хроники Генриха Манна «Обзор века». Статья историка называется «Левый брат» (отсчет позиции, конечно же, ведется от классика — Т. Манна). Автор акцентирует свое несогласие с дядей, у которого были «две главные исторические привязанности — Бисмарк и СССР». То время, что для Голо Манна было «веком Черчилля», создателю «Верноподданного» виделось «веком Сталина, большевизма и России». Ни расстрел кронштадтских матросов, ни голод на Украине, ни процессы 30-х годов, ни пакт с Гитлером не смогли заставить старого писателя усомниться в своей правоте. Голо Манн вспоминает, что дядя не желал ничего об этом слышать и порывал с теми, кто начинал говорить с ним о подобных вещах. Высоко оценивая лучшие страницы диалоги о Генрихе IV, историк пишет, что, создавая этот образ, дядя думал о... Сталине. «Если бы Бисмарк жил сегодня, — считал Генрих Манн, — он был бы на стороне Советского Союза».

Приводит Голо Манн и другие удивительные примеры историко-политической близорукости «левого брата» своего отца, называя это «волшебным неведением». Райх-Раницкий, рассуждая о том же качестве, определяет его как «смесь волшебства и неведения».

Слово «волшебство» довольно часто встречается у обоих корреспондентов. Критик мог назвать главу о Генрихе и Томасе Маннах из своей книги «Томас Манн и близкие» — «Король и антикороль». Для Голо Манна такое название неприемлемо. Причиной тому не только расположенность племянника к симпатичному человеку, но и отношение к хорошему писателю. В одном из своих писем он вспоминает известного издателя С. Фишера, имевшего обыкновение говорить об авторах или произведениях, которых не хотел издавать: «Здесь нет волшебства». В книгах Генриха Манна его ироничный племянник находит волшебство.

Тонкое эстетическое чутье Голо Манна было сразу же оценено Райх-Раницким, пригласившим его стать постоянным автором «Франкфуртской антологии», где помещались лаконичные заметки о шедеврах немецкой поэзии, а также рубрика «Вчерашние романы, прочитанные сегодня». Именно там появлялись тонкие микрочерки и заметки историка о поэтических творениях Гёте и Гейне, Фонтане и Гофманшталя, о романе Я. Вассермана «Каспар Хаузер», о «Человеке без свойств» Р. Музиля и других известных произведениях. Позднее в своей автобиографии Райх-Раницкий признал Голо Манна «идеальным автором» литературного раздела газеты. Причину критик усматривал не только в недюжинных познаниях образованнейшего человека. «У меня было твердое правило, — вспоминает он в «Моей жизни», — которого я придерживался в редакционной работе. Литературный раздел должен читаться не только коллегами и специалистами, но по возможности всеми, кто интересуется литературой. Голо Манну, в отличие от некоторых других сотрудников, я никогда не должен был напоминать о том, кому должны быть адресованы его статьи...»

Но то — в статьях. В переписке иногда интеллектуализм брал в Голо Манне верх над эстетическим чувством, и тогда обнаруживалось несогласие двух корреспондентов. Так, историку казалось, что критик склонен к преувеличению масштаба мировой славы Л. Фейхтвангера. Голо Манн подчас не мог абстрагироваться от личных, не всегда приятных воспоминаний о хорошо знакомом человеке, и дело было не только в симпатиях Фейхтвангера к Сталину. К примеру, соглашаясь с Райх-Раницким в том, что Арнольд Цвейг был «идеалистом», Голо Манн подчеркивает разницу между двумя «левыми» писателями: «Конечно, он (А. Цвейг. — М. С.) действительно читал своего Маркса, Фейхтвангер же не читал. По моим наблюдениям, Фейхтвангер не был по-настоящему умным человеком...» Оценка жесткая, наверняка небезосновательная, но в ней — увы! — нет ни слова о творчестве, о волшебстве.

Было бы упрощением искать причины многих оценок Голо Манна в его неприятии всего, что связано с СССР, марксизмом, «соцлагерем». Вовсе нет. Он, к примеру, с уважением пишет о работе, проделанной германистами из ГДР по подготовке нового издания книги Генриха Манна. Когда Райх-Раницкий предлагает Голо Манну высказаться о составленной поэтом Стефаном Хермлином и изданной вначале в ГДР антологии «Немецкая хрестоматия. От Лютера до Либкнехта», тот охотно соглашается. В рецензии иронизирует над подзаголовком, считая, что единственное стихотворение Либкнехта, помещенное в книгу, «никудашное», а подзаголовок хрестоматии вызывает забавные ассоциации: «От Адама до Аденауэра» или «От Бетховена до Вилли Брандта». Тем не менее он отдает должное художественному вкусу Хермлина, а книгу в целом находит полезной и нужной. (Небезынтересно, что Райх-Раницкий называет эту рецензию Голо Манна «виртуозной».)

Широта взглядов и эрудиции в какой-то мере сближает обоих корреспондентов. Райх-Раницкий как литератор вырос на почве немецкой и славянской культур. Голо Манн, проживший в разных странах и владевший несколькими языками, проявлял интерес к фактам различных национальных литератур, включая русскую; он как будто унаследовал от отца интерес к русской культуре. Есть любопытное упоминание в одном из очерков: «...В 1948 г., во время летних каникул, я задержался в Пало-Алто, проходя интенсивный курс русского языка (как учится, так и забывается)...»

Диапазон интересов и выношенность оценок дают себя знать и в ответах Голо Манна на вопросник «Франкфуртер альгемайне цайтунг». Вот лишь некоторые из них:

Ваши любимые герои романов? — Герои Стендаля: Жюльен и Фабрицио.

Любимая историческая личность? — Бисмарк, несмотря ни на что.

Любимый прозаик? — Толстой.

Любимый поэт? — Гейне.

Какую историческую личность презираете вы более всего? — Гитлера.

В анкете, как и во многих письмах Г. Манна, поражает полная открытость, в то время как иным его эссе присуща тонкая ироничность. Объектами иронии могут быть литераторы и их творения, близкие Голо Манна и не в меньшей мере он сам. Райх-Раницкий иногда принимает предложенную корреспондентом стилевую манеру общения, но вскоре незаметно переводит разговор в плоскость серьезности и абсолютной доверительности. Эта особенность содержательной переписки делает ее

по меньшей мере равнозначной частью всего тома.

Оба корреспондента проявляют друг к другу уважение и симпатию, явно возросшую за годы активной переписки. Можно сказать, что сотрудничество привело их к взаимному обогащению. Райх-Раницкий, вовлекший известного историка в круг постоянных авторов газеты, способствовал более полному раскрытию литературно-критической одаренности Голо Манна. В свою очередь последний, сам того не сознавая, помог популярному критику преодолеть известный монологизм и авторитарность суждений. Уже в 80-е годы за Райх-Раницким установилась репутация едва ли не вершителя писательских судеб в Германии; Голо Манн упоминает вошедшую в журнальный обиход характеристику Райх-Раницкого — «Верховный понтифик немецкой литературы». Но в опубликованной переписке обычно резкий в оценках критик как будто «бежит монолога», делая шаг навстречу собеседнику даже тогда, когда не вполне с ним согласен.

В своей автобиографии Райх-Раницкий назвал Голо Манна «благородным энтузиастом литературы». Составитель рецензируемой книги Фолькер Хаге имел основание назвать обоих участников эпистолярного разговора «энтузиастами литературы», то есть ее вдохновенными тружениками. Вдохновенными и, добавим, талантливыми. Они говорили о существенном и к тому же слышали друг друга. Последнее обстоятельство сделало их обмен мнениями подлинным диалогом, а диалог людей одаренных и искренних всегда содержателен и интересен.

Марк СОКОЛЯНСКИЙ
Любек